

Берридж Р. *Четыре Евангелия, один Иисус? Символическое прочтение* / Пер. с англ. — СПб.: Вера и святость, 2010. — 269 с. Обзор подготовил: Александр Гуртаев, пресвитер церкви «Преображение» г. Самары.

Ричард Берридж является англиканским служителем, членом Синода, деканом и профессором библейского толкования в Королевском колледже в Лондоне в течение многих лет. Получив образование в Оксфорде и Ноттингеме, он написал несколько книг, посвященных изучению Евангелий, среди которых особым успехом пользовалась публикация его докторской диссертации о сравнении Евангелий с греко-римским биографическим жанром (*What Are the Gospels? A Comparison with Graeco-Roman Biography*; 1992). В похожем ключе была написана и нацеленная на широкую аудиторию книга «Четыре Евангелия, один Иисус?», второе переработанное издание (2005 г.) которой было переведено на русский язык.

Эта книга рассматривает канонические Евангелия как биографии Иисуса, в чем-то подобные греко-римским аналогам. Отталкиваясь от той предпосылки, что именно христология лежит в сердце каждого Евангелия, автор прибегает к традиционным символам – льву, человеку, волу и орлу – для описания как самих евангелистов и их стиля, так и представленного ими образа Христа. Таким образом, Берридж дает живой обзор основных тем и стилистических особенностей каждой биографии Иисуса.

В первой главе «Четыре евангелия...» на примере картин Черчилля автор показывает, что изображения Иисуса, сделанные евангелистами, могут отличаться друг от друга. Более того, в этой главе он кратко обсуждает множество вводных вопросов, необходимых для их толкования – их жанр, предполагаемые источники, формы, редактирование и композицию, литературные особенности и символы Евангелий.

Вторая глава называется «Рев льва – Иисус в представлении Марка». Автор использует образ стремительного льва, чтобы подчеркнуть особенности стиля, структуры и техники повествования Марка. Затем, он делает краткий обзор Евангелия, чтобы продемонстрировать, что Иисус, подобно льву, стремительно движется через проявления Своей власти и конфликты к смертельному концу.

Третья глава использует человеческий образ при описании христологии и носит название «Учитель Израиля – Иисус в Евангелии от Матфея». Краткий обзор основных повествовательных разделов Евангелия и крупных речей Иисуса акцентирует внимание на проповеднической деятельности Иисуса, в конечном итоге отвергнутого Его же народом.

В четвертой главе Иисус сравнивается с волком, который проходит долгий и медленный путь, неся бремена других, чтобы стать жертвенным животным в Иерусалиме. «Носитель бремени – Иисус в Евангелии от Луки» – так называется эта глава. Иисус изображается несущим бремена богатых и бедных, потерянных и непринятых, женщин и неиудеев. Его духовность способна покрыть грехи любого нуждающегося в спасении грешника.

Пятая глава – «Высоко парящий орел – Иисус в Евангелии от Иоанна» – раскрывает простоту и глубину четвертого Евангелия с помощью образа орла. Таким же представлен и Иисус – все видящим, появляющимся всегда в нужное время, скрывающим в тени своих крыльев учеников и умирающим, чтобы принести исцеление своим.

Наконец, последняя глава «...Один Иисус?» завершает обзор Евангелий попыткой объяснить, возможно ли свести четыре портрета Иисуса в одну общую картину. Ответ автора ближе к отрицательному. По его мнению, Евангелия представляют «плюрализм в

определенных пределах», который и по сей день является «стимулом для множества образов Иисуса» (Берридж, 251).

Среди положительных сторон книги Берриджа нельзя не отметить его стремление увидеть в Евангелиях биографию Христа – явление несколько непривычное среди современных исследователей. Автор подчеркивает, что главный акцент евангелисты делали именно на образе Иисуса, то есть на христологии. Более того, несмотря на некоторую натянутость символов, каждая из глав, посвященных каноническим Евангелиям, представляет собой достаточно хороший обзор их основных тем, христологических акцентов, богословских особенностей, литературных и стилистических приемов. Хотя читая эти главы, постоянно спотыкаешься о слова «заимствование», «привнесение», «переработка», «редакция», в общем, они содержат очень много полезной информации, помогающей увидеть общую картину каждого отдельного Евангелия.

Первая и последняя же главы книги являются наименее удачными. Именно в них автор излагает свой подход к изучению Евангелий по отдельности и вместе, который представляется проблематичным. Во-первых, Берридж исповедует веру в литературную зависимость между синоптическими Евангелиями и принимает гипотезу четырех документов (приоритет Марка и Q), которая поддерживается большинством сторонников исторической критики (32). Независимое происхождение Евангелий автор, к сожалению, наивно сводит к теории диктовки. Даже порядок глав отражает взгляды Берриджа: Евангелие от Марка он обсуждает прежде Евангелия от Матфея. Неудивительно, что критика источников, форм и редакций то там, то здесь находит свое применение. Причем последствия такого подхода заключаются не только в использовании неудовлетворительной лексики при описании деятельности евангелистов, но и в сомнении в полной исторической достоверности Евангелий (91), в подозрении относительно целостности Евангелий (199), в усмотрении некой напряженности между синоптическими Евангелиями (75), в отказе прибегать к помощи традиционного согласования Евангелий (20), в широком взгляде *ipsissima vox*, который подразумевает, что евангелисты очень свободно пересказывали речи Иисуса и других лиц, привнося в них свои идеи, более актуальные для читателей, нежели для первоначальных слушателей (94). Например, Евангелие от Иоанна, с точки зрения Берриджа, является «продуктом многолетнего комплексного развития», по ходу которого «община Иоанна» добавила пролог и эпилог и другие материалы, чтобы выразить свое богословское осмысление образа Иисуса (216).

Во-вторых, несмотря на живость изложения и множество полезных наблюдений исторического и лексического характера, евангельский материал нередко подгоняется под образы, взятые автором за основу. Поэтому Берридж периодически увлекается символизмом и приводит неясные параллели.

В-третьих, хотя Берридж подробно не обсуждает свой взгляд на Царство в Евангелиях, он говорит о замене Израиля Церковью на основании Послания к галатам 6:16 и поэтому иногда толкует «Царство» просто как царское величие (126), иногда сводит его к временам язычников (134), что не согласуется с общим контекстом, в частности, Евангелия от Матфея и буквальным толкованием отдельных текстов.

В-четвертых, взгляды автора на богодухновенность Евангелий, их безошибочность и возможность согласования, изложенные в последней главе, далеки от высокого представления о Священном Писании. К сожалению, Берридж умалчивает о приоритете божественного фактора в процессе создания Евангелий и, по сути, отрицает полную безошибочность их материала, настаивая на том, что евангелистов больше интересовала

нравственная ценность утверждений или событий, а не их достоверность (239). Поэтому в Евангелиях есть «пространство для маневра» и элемент «художественного вымысла» (241), но в них нет единого, исторически достоверного образа Иисуса. Берридж настаивает, что Евангелия, следуя «плюрализму» в рамках канона, рисуют разные образы Христа, не всегда согласуемые, что дает «стимул для множества образов Иисуса, порожденных в течение более чем тысячи лет; они также могут помочь стимулировать новые образы Иисуса для нашего постмодернистского, даже пост-атеистического мира XXI века, наступившего после коллапса оптимистического научного гуманизма на Западе и коммунизма на Востоке» (251).

Учитывая упомянутые выше положительные и отрицательные стороны книги, неподготовленным в вопросах библиологии читателям не будут полезными первая и последняя главы. Материал остальных глав с некоторой осторожностью можно читать для лучшего ознакомления с общей картиной и христологией Евангелий.